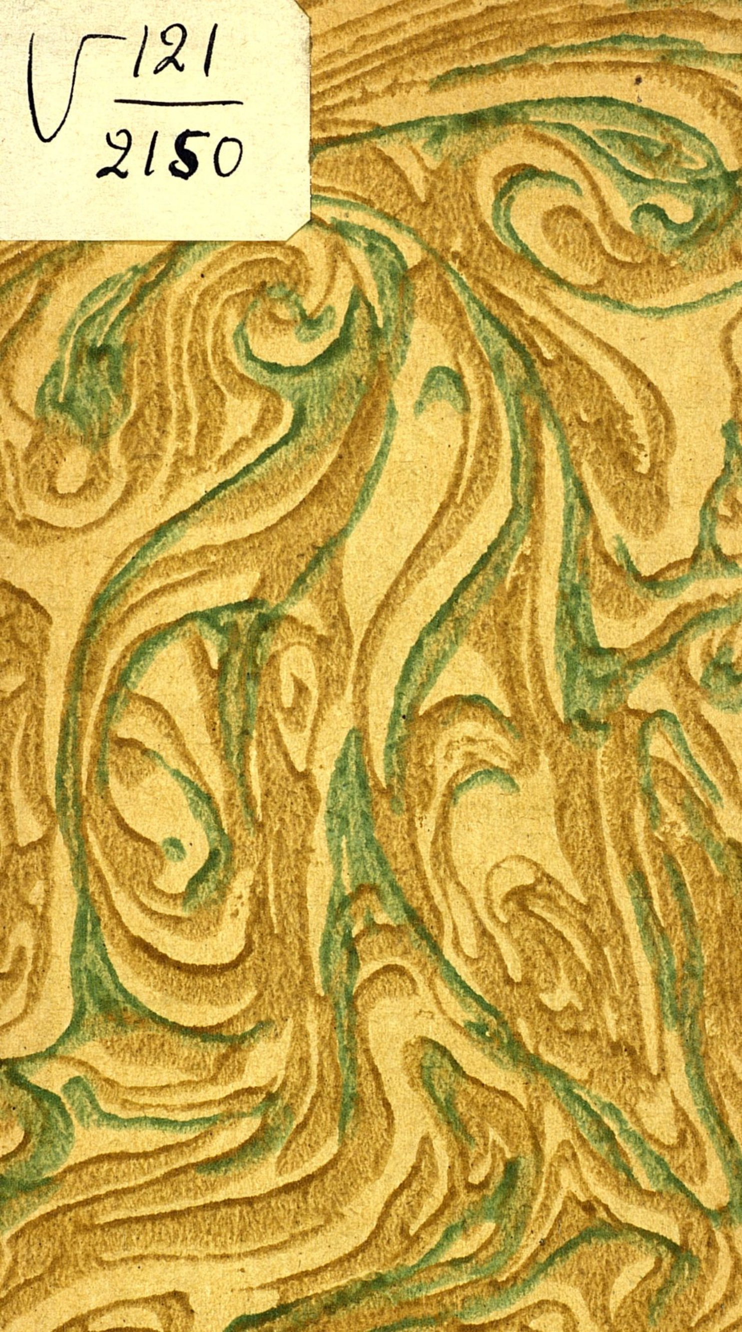
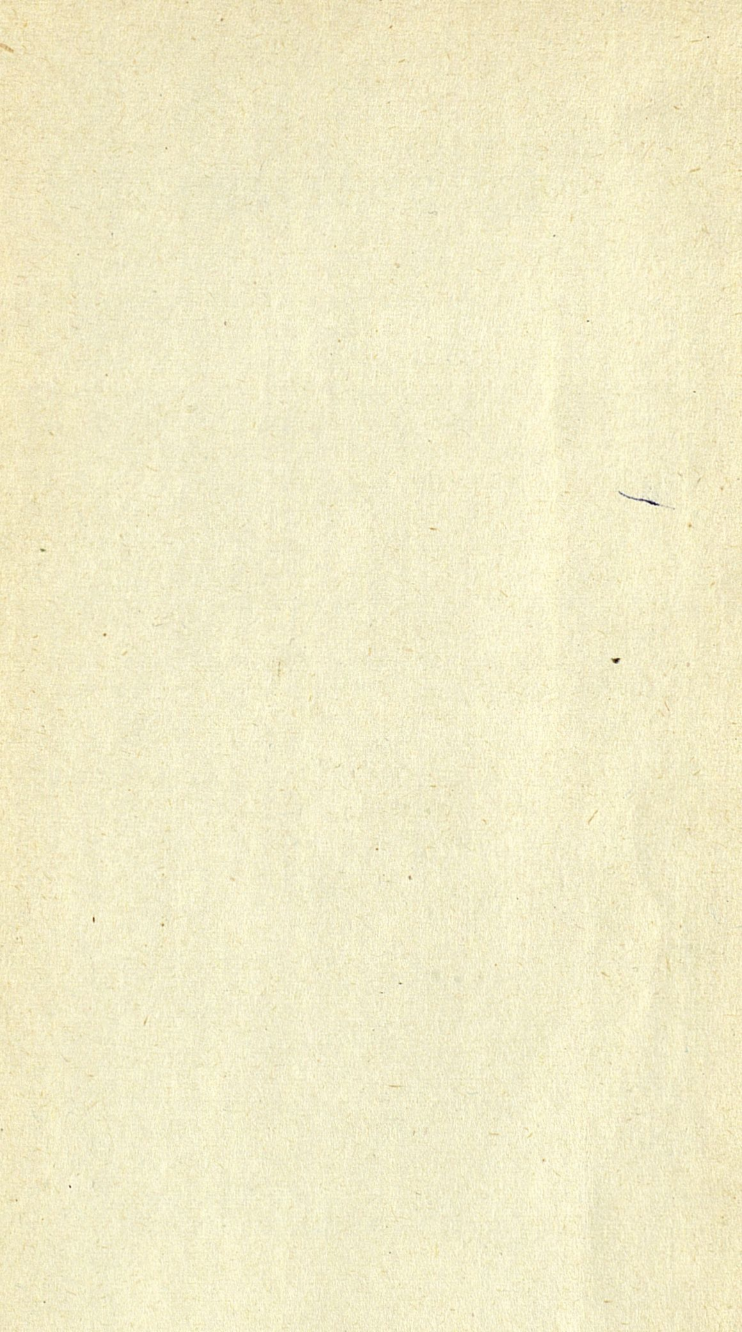

121
2150

2007088790

Козьма Мининъ*).

300 лѣтъ назадъ было смутное время въ Русскомъ государствѣ. Съ убіеніемъ царевича Димитрія царскій родъ Рюриковичей прекратился. Много явилось охотниковъ на Московскій царскій тронъ: родовитые бояре (Борисъ Годуновъ, Василій Шуйкій и др.), иностранные государи (шведскій, польскій), а были и такіе, что выдавали себя за царевича Димитрія (Гришка Отрепьевъ и др.). Долго св. Русь истекала кровью и казалось, что уже все погибло и нѣтъ надежды на спасеніе: Москва въ рукахъ поляковъ, король польскій Сигизмундъ осадилъ Смоленскъ и требовалъ московскую корону уже для себя, а не для сына своего Владислава, которому присягнули было Московскіе бояре.

Но не допустилъ Господь погибели св. Руси и молитвами Св. Отецъ воздвигъ непреоборимыхъ борцовъ за Православную Вѣру и наше дорогое отечество. Патріархъ Гермогенъ, утвердясь молитвою и постомъ, отказался утвердить своею подписью грамоту объ избраніи Владислава и послѣ долгихъ мученій умеръ въ темницѣ голодною смертію.

Тогда выступила на защиту св. Руси Троицко-Сергіева Лавра. Ея увѣщательныя грамоты, (о дружной борьбѣ всѣхъ истинно русскихъ людей-любящихъ свою родину) разсылались по всѣмъ городамъ и селамъ Россіи.

Одна изъ такихъ грамотъ прибыла въ Н. Новгородъ и воспламенила горячее сердце торговца Кузьмы Минина. Въ тоже время прибылъ сюда и посолъ отъ Московскихъ бояръ Юрій Милославскій для приведенія Нижегородцевъ къ присягѣ королевичу Владиславу... Наступило утро великаго дня, въ которомъ незабвенный и незначительный торговецъ Мининъ положилъ основаніе утвержденія и могущества нашего теперь великаго государства. Горячая, правдивая рѣчь простого торговца сплотила нашихъ дѣдовъ въ одно непобѣдимое цѣлое и враговъ какъ не бывало. День сей великъ и никогда не забудется пока стоитъ русское государство.

---

*) Мининъ—Нижегородскій.

Темноголубыя небеса становились часъ отъ часу прозрачнѣе и бѣлѣе; величественная Волга подернулась туманомъ; востокъ запылалъ, и первый лучъ восходящаго солнца, осыпавъ искрами позлащенныя главы соборныхъ храмовъ, возвѣстилъ наступленіе незабвеннаго дня,—дня, въ который раздался и прогремѣлъ по всей землѣ русской первый общій кликъ: „Умремъ за Вѣру Православную и святую Русь!"

Солнце взошло, но тишина и молчаніе царствовали еще повсюду. Вдругъ прозвучалъ на соборной колокольнѣ первый ударъ колокола, за нимъ другой, вотъ третій... все чаще, все сильнѣе... Призывный гулъ промчался по всей окрестности, и все ожило въ Нижнемъ-Новгородѣ.

— Ахти, никакъ пожаръ!—вскричалъ Алексѣй, *) вскочивъ съ своей постели. Онъ побѣжалъ къ окну, подлѣ котораго стоялъ ужъ его господинъ.—Что-бъ это значило?—продолжалъ онъ:—къ заутренѣ что ль?... Нѣтъ! это не благовѣстъ!.. Точно... Бьютъ въ набатъ... Ну, вотъ и народъ зашевелился! Гляди-ка, бояринъ!.. всѣ бѣгутъ сюда... Экъ ихъ высыпало!.. Да этакъ скоро и на улицу не продерешься!

— Одѣвайся, Юрій Дмитричъ **), —сказалъ Истома Туренинъ, войдя въ ихъ покой:—пойдемъ смотрѣть, что тамъ еще этотъ глупый народъ затѣваетъ!

Въ двѣ минуты Милославскій и слуга его были уже совсѣмъ одѣты. Они съ трудомъ могли выйти за ворота дома; вся ихъ улица, ведущая на городскую площадь, кипѣла народомъ.

— Тише, дѣтушки, тише!—говорилъ, запыхавшись, одинъ сѣдой старикъ, котораго двое взрослыхъ внучатъ вели подъ руки:—дайте духъ перевести!

— Ну, отдохни, дѣдушка!—сказалъ одинъ изъ внучатъ,—да только поскорѣе, а то какъ опоздаемъ, такъ не продеремся къ Лобному мѣсту ***).

— И не услышимъ, что будетъ говорить Козьма Мининъ,— подхватилъ другой внукъ.—Ну, что, отдохнулъ ли, родимый?

— Ухъ, батюшки... Погодите... вовсе уморился.

— Напрасно, дѣдушка, ты не остался дома.

— Что ты, дитятко!.. Побойся Бога! остаться дома, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ животъ свой положить за матушку

---

*) Слуга Юрія Милославскаго.

**) Юрій посолъ Московскихъ бояръ, призвавшихъ и принявшихъ присягу королевичу Владиславу.

***) Особо устроенное на площади возвышеніе, на которомъ наказывали преступниковъ и съ котораго также читались царскіе и другіе приказы и объявленія.

людей переносило безпрестанно сіи дары въ приготовленныя для сего кладовыя на берегу Волги, но число ихъ, казалось, нимало не уменьшалось.

Старинный нашъ знакомый Алексѣй находился также въ толпѣ гражданъ, которые тѣснились съ приношеніемъ вокругъ Лобнаго мѣста. Обшаривъ свои карманы и не найдя въ нихъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ монетъ, онъ снималъ уже съ себя серебрянный крестъ, какъ вдругъ кто-то, ударивъ по плечу, сказалъ: „Нѣтъ, братъ! не разставайся съ отцовскимъ благословеніемъ; я положу и за себя и за тебя".

— А, это ты, Кирша—*) сказалъ Алексѣй: Какъ! и ты хочешь класть?

— Да, товарищъ! вотъ въ этомъ мѣшечкѣ все, что я накопилъ; да Богъ съ нимъ! жаль только, что мало! Эге, любезный, ты все еще ревешь! Полно, братъ; что ты расхныкался, словно малый ребенокъ!

А ты самъ развѣ не плачешь?—отвѣчалъ Алексѣй.

— Кто? я? вотъ вздоръ какой!—вскричалъ запорожецъ. утирая рукавомъ свои глаза.—А что ты думаешь?—прододжалъ онъ:—никакъ въ самомъ дѣлѣ! кой прахъ? что, это братъ Алексѣй? Мнѣ часто случалось у насъ въ Запорожской Сѣчѣ гулять и веселиться; пьешь, бывало, безъ просыпу цѣлую недѣлю: хоть нельзя сказать, чтобъ было очень весело; а пляшешь и поешь съ утра до вечера. Теперь же,—ну, вѣришь ли Богу!—такъ сердце отъ радости выскочить и хочетъ, а вовсе не до пѣсенъ: все бы плакалъ... да и всѣ такъ же, на кого ни посмотришь.., что за диво такое?

Въ самомъ дѣлѣ, все многолюдное собраніе народа составляло въ сію минуту одно благочестивое семейство: не слышно было громкихъ восклицаній; проливали слезы радости и умиленія, какъ въ свѣтлый день Христовъ; всѣ съ братскою любовію обнимали другъ друга. Но кто этотъ отверженный?... Кто стоитъ, поодаль отъ всей толпы, съ померкшимъ взоромъ, съ отчаяніемъ на челѣ, блѣдный, полумертвый, какъ преступникъ, идущій на казнь, какъ блудный сынъ, взирающій издалека на пирующихъ своихъ братьевъ?... Ахъ! это Юрій Милославскій!) это тотъ, кто отдалъ бы тысячу жизней за то, чтобъ воскликнуть вмѣстѣ съ другими: „Умремъ за вѣру православную и святую Русь! Несмотря на приглашеніе боярина Истомы, который, заливаясь слезами, кричалъ громче всѣхъ: „Идемъ къ матушкѣ Москвѣ! Юрій не хотѣлъ подойти вмѣстѣ съ нимъ къ

*) Кирша запорожскій казакъ.

Лобному мѣсту; онъ не видалъ Минина, не слышалъ словъ его, но видѣлъ общій восторгъ народа, видѣлъ радостныя, слезы, усердныя мольбы всѣхъ русскихъ и, какъ отступникъ отъ вѣры отцовъ своихъ, не смѣлъ молиться вмѣстѣ съ ними! Ему казалось, что каждый гражданинъ нижегородскій, проходя мимо него, готовъ былъ сказать: „Презрѣнный рабъ Владислава! чего ты хочешь отъ свободныхъ сыновъ Россіи?.. бѣги! не оскверняй своимъ присутствіемъ сіе священное торжество вѣры и любви къ отечеству! ты не русскій, ты не сынъ Милославскаго!“ Тутъ вспомнилъ Юрій послѣднія слова умирающаго своего родителя: благословляя его охладѣвшею уже рукою, онъ сказалъ: „Юрій, держись вѣры православной: не своди дружбы съ врагами нашего отечества и не забывай, что Милославскіе всегда стояли грудью за правду и святую Русь!“—Такъ!—вскричалъ несчастный юноша:—присутствіе мое при семъ торжествѣ есть оскверненіе святыни: я не могу, я не долженъ оставаться здѣсь долѣе!

Онъ поспѣшилъ оставить площадь, но на каждомъ шагу встрѣчались ему толпы гражданъ, несущихъ свои имущества, вездѣ раздавались поздравленія, на всѣхъ лицахъ сіяла радость. Пробѣжавъ нѣсколько улицъ, онъ очутился, наконецъ, въ одномъ отдаленномъ предмѣстіи и, не видя никого вокругъ себя, сѣлъ отдохнуть на скамьѣ, подлѣ воротъ небольшой хижины. Не прошло двухъ минутъ, какъ нѣсколько женщинъ и почти столѣтній старикъ подошли къ скамьѣ, на которой сидѣлъ Юрій. Старикъ сѣлъ возлѣ него!

— Какъ это, господинъ честной,—сказалъ онъ,—ты здѣсь, а не на площади?

— Я сейчасъ оттуда,—отвѣчалъ Юрій.

— И я на старости лѣтъ ходилъ; слава Богу, кое-какъ дотащился! теперь готовъ умереть хоть завтра, да и пора костямъ на покой!

— Ты, я думаю, очень старъ, дѣдушка?—спросилъ Юрій, стараясь перемѣнить разговоръ.

— Да, молодецъ! Безъ малаго годовъ сотню прожилъ, а на всемъ вѣку не бывалъ такъ радостенъ, какъ сегодня. Благодареніе Творцу небесному, очнулись наконецъ православные!.. Эхъ, жаль! Кабы Господь продлилъ дни бывшаго воеводы нашего, Дмитрія Юрьевича Милославскаго, то-то былъ бы для него праздникъ!... Дай Богъ ему царство небесное! Столбовой былъ русскій бояринъ!.. ну, да если не здѣсь, такъ тамъ... онъ вмѣстѣ съ нами радуется!

— Я слышала, дѣдушка,—сказала одна изъ женщинъ,—что у него есть сынъ.

— Какъ же! помнится, Юрій Дмитріевичъ; если онъ пошелъ по батюшкѣ, то, вѣрно, будетъ нашимъ гостемъ и въ Москвѣ съ поляками не останется. Нѣтъ, дѣтушки, *Милославскіе всегда стояли грудью за правду и за святую Русь*!

— Ахти!—вскричала одна изъ женщинъ:—что это съ молодцомъ сдѣлалось? никакъ онъ полоумный?.. смотри-ка, дѣдушка какъ онъ пустился отъ насъ бѣжать! прямехонько къ Волгѣ!... ахъ... Господи Боже мой, долго ли до грѣха! какъ сдуру-то нырнетъ въ воду, такъ поминай, какъ звали!

Какъ громомъ пораженный послѣдними словами старика, Юрій, не видя ничего предъ собою, не зная самъ, что дѣлаетъ, пустился бѣжать по узкой улицѣ, ведущей къ Волгѣ; въ ушахъ его раздавались слова умирающаго отца; ему казалось, что его преслѣдуютъ, что кто-то называетъ его по имени, что множество голосовъ повторяютъ: „Вотъ онъ! вотъ Милославскій!“ Вся кровь застыла въ его жилахъ. Вдругъ ему послышалось, что вслѣдъ за нимъ прогремѣлъ ужасный голосъ: „Да взыдетъ вѣчная клятва на главу измѣнника!“ Волосы его стали дыбомъ, смертный холодъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ, въ глазахъ потемнѣло, и онъ упалъ безъ чувствъ въ двухъ шагахъ отъ Волги, на краю утесистаго берега, застроеннаго обширными сараями.

Юрій, при помощи Алексѣя, приподнялся на ноги и только что хотѣлъ итти, какъ вдругъ позади его кто-то сказалъ: „Здравствуй бояринъ! Милости просимъ: Добро пожаловать къ намъ въ Нижній-Новгородъ!

Милославскій невольно вздрогнулъ и, бросивъ быстрый взглядъ на того, кто его привѣтствовалъ, узналъ въ немъ тотчасъ таинственнаго незнакомца, съ которымъ ночевалъ на постояломъ дворѣ.

— Ну вотъ не отгадалъ ли я?—продолжалъ незнакомецъ:— Богъ привелъ намъ опять увидѣться.

— Такъ это ты!—вскричалъ Алексѣй.—Я было и на площади признал тебя, да боялся вклепаться. Ну, Козьма Миничъ, дай Богъ тебѣ здоровья! Красно ты говоришь!

— Какъ?—сказалъ Юрій:—ты тотъ знаменитый гражданинъ?

— И, бояринъ! я просто гражданинъ нижегородскій и ничѣмъ другихъ не лучше. Развѣ ты не видѣлъ, какъ всѣ граждане, наперерывъ другъ передъ другомъ, отдавали свои имущества? На мнѣ хотя это платье осталось, а другой послѣднюю одежонку притащилъ на площадь; такъ мнѣ ли хвалиться, бояринъ?

— Но развѣ не ты первый...

— Ну да... Я первый заговорилъ—такъ что жъ?.. великое дѣло!.. нельзя жъ всѣмъ разомъ говорить; не я, такъ заговорилъ бы другой, не другой такъ третій... а скажи-ка, бояринъ, ужъ не хочешь ли ты пристать къ намъ? ты цѣловалъ крестъ королевичу Владиславу, а душа-то въ тебѣ все-таки русская.

— Къ несчастію, ты говоришь правду!—сказалъ со вздохомъ Юрій.

— А почему-жъ къ несчастію? Скажи мнѣ, легко-ль тебѣ было присягать польскому королевичу?

— Ахъ!.. видитъ Богъ, нѣтъ!

— А для чего-жъ ты это сдѣлалъ?

— Для того, что былъ увѣренъ, и теперь еще... да и теперь еще надѣюсь, что сей жертвой мы спасемъ отъ гибели наше отечество!

— Вотъ видишь ли: все-таки у тебя отечество на умѣ. Послушай, я скажу тебѣ побасенку, бояринъ. Одинъ мужичокъ, переплывая черезъ рѣку, сталъ тонуть. У него было три сына: меньшой, думая, что онъ одинъ не спасетъ его, принялся кричать, рвать на себѣ волосы и призывать на помощь всѣхъ проходящихъ; между тѣмъ мужикъ выбился изъ силъ и когда старшій сынъ бросился спасать его, то насилу вытащилъ изъ воды и чуть было самъ не утонулъ съ нимъ вмѣстѣ. На берегу стоялъ третій сынъ, или лучше сказать пасынокъ: онъ не просилъ помощи, да и самъ не думалъ спасать утопающаго отца, а разсчитывалъ, стоя на одномъ мѣстѣ, какая придется ему часть изъ отцовскаго наслѣдія. Какъ ты думаешь, бояринъ? хоть меньшому сыну и не за что сказать спасибо, а по мнѣ все-таки честнѣе быть имъ, чѣмъ пасынкомъ.

Юрій молча пожалъ руку Минина который продолжалъ.

— Чему дивиться, что ты связалъ себя клятвеннымъ обѣщаніемъ, когда вся Москва сдѣлала то же самое? Да вотъ хоть напримѣръ, князь Димитрій Мамстрюковичъ Черкасскій изволилъ мнѣ сказывать, что сегодня у него въ дому сберутся здѣшніе бояре и старшины, чтобъ выслушать гонца, который присланъ къ намъ съ предложеніемъ отъ пана Гонсѣвскаго. И какъ ты думаешь? кто этотъ довѣренный человѣкъ злѣйшаго врага нашего?.. Сынъ бывшаго воеводы нижегородскаго боярина Милославскаго.

— Да это господинъ мой!—вскричалъ Алексѣй.

— Какъ? такъ это ты, Юрій Дмитричъ?—сказалъ Мининъ, снявъ почтительно свою шапку и устремивъ на Милославскаго взоръ, исполненный душевнаго состраданія.—Ну, жаль

святую Русь!.. Да если бы и васъ у меня не было, такъ я ползкомъ бы приползъ на городскую площадь.

— Постой-ка!.. Да вотъ и батюшка!—сказалъ первый внукъ.— Втроемъ-то мы тебя и на рукахъ донесемъ.

Сынъ и двое внучатъ, подхватили на руки старика, пустились почти бѣгомъ по улицѣ.

— Да что жъ ты отстаешь, жена! сказалъ, пріостановясь, небольшого роста, но плотный посадскій, оборотяеь къ толстой горожанкѣ, которая, спотыкаясь и едва дыша отъ усталости, бѣжала вслѣдъ за нимъ.

— Задохнулась, Терентій Никитичъ!.. Видитъ Богъ, задохнулась

— Вотъ то-то же! и зачѣмъ тебя нелегкая понесла! сидѣла бы дома на печи.

— И, батюшка! да развѣ я не хочу также послушать, о чемъ вы на площади толковать будете?

— Вѣстимо о чемъ: когда итти на супостатовъ.

— И ты пойдешь, Терентій Никитичъ?

— А какъ же! развѣ я не такой же православный, какъ и всѣ?

— А ребятишки-то наши! На кого ихъ покинешь?.. вѣдь малъ-мала меньше!..

— Да, жаль, что маленьки! Правда, старшему двѣнадцать годковъ, такъ онъ отъ меня не отстанетъ.

— Какъ, батюшка!.. Ты хочешь?..

— А что жъ? не подыметъ рогатины, такъ съ ножемъ пойдетъ. Авось хоть одного супостата на тотъ свѣтъ отправитъ; и то бы слава Богу!

Тутъ новая толпа, хлынувъ рѣкою изъ поперечной улицы, увлекла съ собою посадскаго и его жену.

Какъ бурное море, шумѣлъ и волновался народъ на городской площади. Бояре и простолюдины, именитые граждане и люди ратные,—всѣ тѣснились вокругъ Лобнаго мѣста; на всѣхъ лицахъ изображалось нетерпѣливое ожиданіе, Вдругъ народъ зашумѣлъ болѣе прежняго, раздались громкія восклицанія: „Вонъ онъ!“ и человѣкъ среднихъ лѣтъ, весьма просто одѣтый, но осанистый и видный собою, взошелъ на Лобное мѣсто. Оборотясь къ соборнымъ храмамъ, онъ трижды сотворилъ крестное знаменіе, поклонился на всѣ четыре стороны—и, по мановенію руки его, утихло все вокругъ Лобнаго мѣста; мало-по-малу молчаніе стало распространяться по всей площади; шумъ отдалялся; глухой говоръ безчисленнаго народа становился все тише..

тише... и черезъ нѣсколько минутъ лишенный зрѣнія могъ бы подумать, что городская площадь совершенно опустѣла.

— Граждане нижегородскіе!—началъ такъ безсмертный Мининъ. Кто изъ васъ не вѣдаетъ всѣхъ бѣдствій царства русскаго? Мы всѣ видимъ его гибель и разореніе, а помощи и очищенія ниоткуда не чаемъ. Доколѣ людямъ и супостатамъ напоять землю русскую кровію нашихъ братьевъ? Доколѣ православнымъ стонать подъ позорнымъ ярмомъ иновѣрцевъ? Отвѣтствуйте граждане нижегородскіе. Потерпимъ ли мы, чтобъ царствующій градъ повиновался воеводѣ иноплеменному? Предадимъ ли на поруганіе пречистый образъ Владимирскія Божія Матери и чистыя многоцѣлебныя мощи Петра, Алексія, Іоны и всѣхъ московскихъ чудотворцевъ? Покинемъ ли въ рукахъ иновѣрцевъ сиротствующую Москву?.. Отвѣтствуйте, граждане нижегородскіе!

— Нѣтъ, нѣтъ!—загремѣли тысячи голосовъ.—Идемъ къ Москвѣ! Не выдадимъ святую Русь!

— Итакъ, во имя Божіе, къ Москвѣ!.. Но чтобъ не безплодно положить намъ головы и смертію нашей искупить отечество, мы должны избрать достойнаго воеводу. Я былъ въ Пурецкой волости, у князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Едва исцѣлившійся отъ глубокихъ язвъ, сей неустрашимый военачальникъ готовъ снова обнажить мечъ и грянуть Божіею грозой на супостата. Граждане нижегородскіе! хотите ли его имѣть главой? Любъ ли вамъ стольникъ и знаменитый воевода, князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій?

— Хотимъ! хотимъ! Онъ любъ намъ!—воскликнулъ народъ, волнуясь часъ отъ часу болѣе.

— Граждане и братія!—продолжалъ Мининъ:—неужели, умирая за вѣру христіанскую и желая стяжать нетлѣнное достояніе въ небесахъ, мы пожалѣемъ достоянія земного? Нѣтъ, православные! Для содержанія людей ратныхъ отдадимъ все золото и серебро, а если мало и сего, продадимъ всѣ имущества, заложимъ женъ и дѣтей нашихъ... Вотъ все, что я имѣю!—продолжалъ онъ, бросивъ на Лобное мѣсто большой мѣшокъ, наполненный серебряной монетою,—и пусть выступитъ желающій купить домъ мой: съ сего часа онъ принадлежитъ не мнѣ, а Нижнему-Новгороду; и я самъ, мы всѣ, вся кровь наша—земскому дѣлу и всей землѣ русской.

— Отдаемъ всѣ наши имущества! Умремъ за вѣру православную и святую Русь!—загремѣли безчисленные голоса.— Нарекаемъ тебя выборнымъ отъ всея земли человѣкомъ! Храни казну нижегородскую!—воскликнулъ весь народъ.—Въ сію минуту общаго восторга разверзлись западныя двери соборнаго

храма Преображенія Господня, и печерскій архимандритъ Θеодосій въ провожаніи многочисленнаго духовенства, во всемъ облаченіи, со святыми иконами и церковными хоругвями, вышелъ на городскую площадь. Народъ разступился; весь духовный синклитъ взошелъ на Лобное мѣсто, раздался громкій благовѣстъ, іереи запѣли соборомъ: „Царю небесный, Утѣшителю, Душе истины!“ и Мининъ, а вслѣдъ за нимъ и всѣ граждане преклонили колѣна. Когда же, благословляя оружіе христолюбиваго войска, благочестивый архимандритъ Θеодосій, возведя къ небесамъ взоръ, исполненный чистѣйшей вѣры, возгласилъ молитву: „Господи Боже нашъ, Боже силъ, сильный въ крѣпости и крѣпкій во бранѣхъ!.. народъ палъ ницъ, зарыдалъ, и всѣ мольбы слились въ одну общую, единственную молитву: „Да спасетъ Господь царство русское!“ По окончаніи молебствія Θеодосій, осѣнивъ животворящимъ крестомъ и окропивъ святой водой усердно молящійся народъ, произнесъ вдохновеннымъ голосомъ: „Съ нами Богъ! разумѣйте, языцы, и покаряйтеся, яко съ нами Богъ! Спѣшите, избранные Господомъ, на спасеніе страждущей Россіи! Какъ огнь палящій, предъидетъ сила Господня предъ вами, и посрамится врагъ нечестивый, и возрадуются сердца православныхъ! Воины Христовы! не жалѣйте благъ земныхъ: слава нетлѣнная ожидаетъ васъ на землѣ и вѣчное блаженство на небесахъ. Грядите, вѣрные сыны Россіи! Грядите, во имя Господне! На васъ благословеніе всѣхъ пастырей духовныхъ! За васъ святая молитва страдальца Гермогена: кто противъ васъ, кто противъ Господа силъ?“

О, какъ недостаточенъ, какъ безсиленъ языкъ человѣческій для выраженія высокихъ чувствъ души, пробудившейся отъ своего земного усыпленія! Сколько жизней можно отдать за одно мгновеніе небольшого, чистаго восторга, который наполнялъ въ сію торжественную минуту сердца всѣхъ русскихъ! Нѣтъ, любовь къ отечеству—не земное чувство! Она слабый, но вѣрный отголосокъ непреодолимой любви къ тому безвѣстному отечеству, о которомъ, не постигая сами тоски своей, мы скорбимъ и тоскуемъ почти со дня рожденія нашего!

Всѣ спѣшили по домамъ, чтобъ сносить свои имущества на площадь, и не прошло получаса, какъ вокругъ Лобнаго мѣста возвышались уже горы серебряныхъ денегъ, сосудовъ и различныхъ товаровъ: простой холстъ лежалъ подлѣ куска дорогой парчи; мѣшокъ мѣдной монеты—подлѣ кошелька, наполненнаго золотыми деньгами. Гражданинъ Мининъ принималъ все съ равною ласкою, благодарилъ всѣхъ именемъ Нижняго-Новгорода и всей земли русской, и хотя нѣсколько сотъ рабочихъ

мнѣ тебя! кому другому, а тебѣ куда должно быть тяжело бояринъ!

— Я исполняю долгъ свой, Козьма Миничъ,—отвѣчалъ Юрій:—я не могу поднять оружія на того, кому клялся въ вѣрности, но никогда руки мои не обагрятся кровію единовѣрцевъ, и если междоусобная война неизбѣжа, то...—тутъ Милославскій остановился, глаза его заблистали... Да!—продолжалъ онъ,—я далъ обѣтъ служить вѣрой и правдой Владиславу; но есть еще клятва, предъ которой ничто всѣ обѣщанія и клятвы земныя! Такъ, самъ Господь ниспослалъ мнѣ эту мысль! она оживила мою душу!.. *Загоскинъ.*

Дай Богъ, чтобы и до нынѣшнихъ „Милославскихъ“ дошелъ призывъ нашей истрадавшейся Родины и возвратилъ бы ихъ—заблудшихъ въ родную семью—подъ одно знамя, на коемъ начертано **„Православіе, Самодержавіе и Россія для Русскихъ“**!

Итакъ, 300 лѣтъ тому назадъ наша матушка Россія, благодаря энергичному, честному простому человѣку Минину, очистилась отъ внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ смутъ. Теперь смуты въ Россіи происходятъ также, благодаря интригамъ инородцевъ и измѣнниковъ русскихъ, и ничуть не отличаются отъ смутъ временъ Минина и Пожарскаго.

Томскій Городской Песочный Отдѣлъ Союза Русскаго Народа

на доброхотныя пожертвованія русскихъ вѣрныхъ сыновъ Русскаго Государства желаетъ въ г. Томскѣ увѣковѣчить память Минину въ видѣ дома, служащаго для просвѣтительной цѣли русскаго потомства, въ которомъ главное вниманіе будетъ обращено на національное воспитаніе русской націи, въ духѣ физическихъ и духовныхъ свойствъ русской націи, въ духѣ величайшей любви къ ней, безконечной преданности и готовности къ самопожертвованію, беря примѣръ съ Минина и Пожарскаго и другихъ русскихъ людей, любящихъ русскую націю.

Томскій Городской Песочный Отдѣлъ Союза Русскаго Народа обращается ко всѣмъ русскимъ людямъ, любящимъ свою Родину внести посильную свою лепту на постройку въ г. Томскѣ дома имени Кузьмы Минина. Пожертвованныя суммы принимаются Сибирскимъ Общественнымъ банкомъ въ г. Томскѣ на текущій счетъ Томскаго Городскаго Песочнаго Отдѣла Союза Русскаго Народа, а также и собираются по подписнымъ листамъ, съ разрѣшенія г. Томскаго Губернатора отъ 3 іюня 1910 года, за 8170, членами Томскаго Городского Песочнаго Отдѣла.

Печатать разрѣшается. Томскъ Типографія Дома Трудолюбія.

